

«ДОВЕРИЕ К ПРАВУ» КАК КУЛЬТУРФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ И ОСНОВАНИЯХ ФОРМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ

В.Р. Легойда

Аннотация. В наши дни проблема усиления действенности права как механизма социального регулирования всё чаще требует углублённого изучения условий доверия к праву как социальному институту. А это, в свою очередь, заставляет обратиться к анализу его источников, то есть заново проделать работу, приведшую новоевропейское сознание к идее автономии морали. Можно ли и в самом деле лишить право опоры на некие исходные «нравственные основы», а последние, в свою очередь, полностью лишить опоры на религиозный контекст? Тем более, что в современном социогуманитарном знании всё чаще акцентируется исходный синкретизм, разложение которого знаменовало эпоху рождения логоса и возвращение которого в эпоху возрождения мифа видится вполне предсказуемым.

Сегодня мы наблюдаем в ряде государств то, что с позиции традиционных ценностей невозможно назвать ничем другим, кроме как попыткой введения порока в правовое поле. В сознании многих людей укладывается мысль, что проституция — это такая же профессия, как врач или учитель, что между семьёй и сожительством нет разницы. На очереди — признание однополых браков в некоторых деноминациях, позиционирующих себя как ветви единого древа христианства. Но ведь с точки зрения мировых религий порок не становится более допустимым, если он возведён в правовые рамки. Реальность в этом случае превращается в постоянный поиск индивидом наиболее короткого пути к удовлетворению эгоистических потребностей без оглядки на моральные ограничения. И как это сочетать с постулатом, что именно с установления этих границ начинается культура?

В погоне за отражением стремительно меняющейся реальности право рискует выродиться в «пустой» пакет манипулятивных технологий, легализующих власть «желаний». При этом оно обречено на потерю своих ключевых признаков: установки на общезначимость справедливых норм и легитимизирующую силу, основанную на исходном доверии к праву как институту. Стремление превратить право в самодостаточный «идеальный объект», оторванный от связи с религиозными и философскими представлениями о достойном и недостойном в поведении человека, лишает его действенности, обесценивая его консолидирующую роль в обществе; а также предвосхищает репрессии в отношении людей, иначе воспринимающих моральную норму.

Ключевые слова. Право, религия, культура, источники права, мораль, правовой порядок, Божественное право, справедливость, социальные регуляторы.

«Каждая культура, даже самая примитивная, стремится, подобно старой римской гражданской религии, установить *jus divinum*, который будет поддерживать *pax deorum*¹, религиозный порядок, ставящий жизнь общности в отношении зависимости от потусторонних сил, управляющих универсумом. Образ жизни должен быть путём служения Богу, иначе он станет образом смерти» [9, с. 53], — пишет известный исследователь культуры и религии двадцатого века профессор Кристофер Генри Доусон. Как следует из этого высказывания, канва русской религиозной философии, настаивавшей на связи культуры и культа [3, с. 556-574], и по сей день остаётся в обиходе философских подходов.

Для философии права отсюда следует, в частности, вывод о том, что за философской идеей естественного права стоит гораздо более древняя идея, согласно которой закон не является, используя современные термины, чисто политической идеей, но исходит из некоей божественной санкции или является способом отношения с божеством [9, с. 102].

Впрочем, такой подход вовсе не обязательно равен сакрализации права. Ряд исследователей настаивает на том, что в данном случае имеет место свидетельство архетипической религиозности человека: в устройстве мира вокруг себя он видит отблеск божественного закона в силу антропологически заданной системы внутренних ориентиров, задающих, в том числе, и векторы поиска социально значимых решений.

При этом позиция Доусона не может быть сведена к «наивной» сакрализации права. Указывая на фундаментальное положение современных гуманитарных наук о культуuroобразующей функции религии, он отмечает, что право в восприятии людей *не теоретически, а исторически* опирается на божественный закон. Согласно этой точке зрения, не только

культура человечества появляется в религиозной или мифологической форме, но и право возникает, как следует из вышеприведенной цитаты, в качестве попытки установления мира с богами – *pax deorum* – посредством божественного права – *jus divinum*. Косвенно данный подход подтверждается тем, что культура атеизма, равно как и светское, секулярное государство – относительно недавние явления в человеческой истории.

По мнению того же Доусона, своеобразно переосмыслившего кантовский тезис о регулятивной роли идей чистого разума в структуре самого разума, мировые религии являются «замковыми камнями мировых культур», и когда они удаляются, арка падает и здание обрушивается. Такой подход позволяет объяснить, почему даже на фоне продолжающихся не одно столетие разговоров о необходимости совершенствования правовых механизмов (то есть, по сути, признания несовершенства права), а также при наличии абсолютного господства светского права в современной культуре, право продолжает пользоваться доверием [11].

Доверие к праву, современному светскому праву, обосновано таким образом, не признанием за ним некоей «секулярной непогрешимости», но скорее является безусловным доверием, прямым наследием веры в «божественный закон». Можно с известной долей уверенности предположить, что он (будь это десять заповедей, или иные религиозные источники права, которые есть в любой культуре) именно в силу своей безусловности выступает латентным основанием такого доверия.

Если обратиться к наработкам культурной антропологии, также бросается в глаза тот факт, что в традиционном обществе доверие к праву безальтернативно именно в силу его происхождения, поскольку оно связано с неизбежностью, с обязательностью установления

¹ *Pax deorum* – буквально «мир с богами», то есть поддержание с богами отношений взаимной договорённости: люди совершают должные обряды, боги оказывают им за это покровительство. Правила проведения всех обрядов и религиозных мероприятий сводились в особую отрасль – *jus divinum* – «божественное право».

paх deorum: мир с богами должен быть установлен в любом случае. Нарушение закона поэтому является не просто неисполнением нравственной или собственно правовой заповеди; в традиционном обществе нарушение закона – это удар по основам бытия, нарушение и разрушение порядка вещей.

По мнению известной исследовательницы древнегреческого полиса профессора Джейн Хариссон, основой демократии Афин, считающейся образцовой, был страх перед хтоническими божеествами, которые требовали всеобщей вовлечённости в управление полисом [17]. Косвенно об этом свидетельствует «не-рациональное» создание органов управления, в которых обязаны были состоять все жители полиса, о чём подробно пишет В.М. Сергеев [13]. И это требование объяснялось страхом перед богами, а не стремлением к осуществлению идеи представительства, как в Новое время.

Основы доверия к праву складывались в обществах, где господствовал отличный от современного тип социальной интеграции. Отечественные исследователи Н.И. Бирюков и В.М. Сергеев выделяют три типа социальной интеграции, реализующей «доверие к праву»:

- а) социальную онтологию;
- б) ценности;

в) операциональный политический опыт (общество модерна) [4, с. 61]. По понятным причинам, особый интерес представляет «общество модерна», так как именно этот тип социальности доминирует в развитых странах с их отличительными чертами – «торжеством демократии» и установлением «правового государства».

С точки зрения вышеупомянутых авторов, моральное сознание, характерное для «общества модерна», акцентирует не содержательные, а инструментальные ценности. Поэтому ядром нравственной консолидации общества выступает здесь согласие в отношении не конечных целей развития, а средств их достижения, так называемых «правил игры». Право в этом контексте можно рассматривать как одно из правил игры, то есть оно

выступает как инструментальная, но не содержательная ценность. «Если для христианского сознания несомненно то, что «удерживающий» был и существует помимо личной человеческой воли (в наиболее аргументированном толковании это Церковь, проповедующая Слово Божие), то для сознания светского в нынешнюю эпоху демократий такой несомненности уже не существует.

Для светского сознания единственным претендентом на роль «удерживающего теперь» может быть понимаемый в самом широком смысле Закон. И такое светское сознание не может не воспринимать предельно обостренно тот факт, что в нынешнюю «эпоху перемен» «удерживающий» Закон слишком часто не работает, и слишком очевидно обнажаются «тайны беззакония» [10] – подчёркивает председатель Конституционного суда РФ профессор В.Д. Зорькин. Если закон, единственно понимаемый как удерживающий фактор, имеет исключительно инструментальную ценность, то говорить об устойчивом консенсусе в современном обществе, гарантирующем высокую степень социальной консолидации, не приходится.

Таким образом, доверие к закону сегодня – это не доверие к абсолютному, внеположенному правовому полю авторитету, а доверие к правилам игры, своего рода прижившаяся конвенция. Ситуация усложняется тем, что подобное положение дел, в свою очередь, мифологизируется. Чего стоит знаменитая фраза, приписываемая Вольтеру: «Я могу ненавидеть Вашу точку зрения, но я готов отдать жизнь для того, что бы Вы имели право её высказать!» Несколько парадоксальным образом, данная *инструментальная* ценность права возводится фактически в «объективный закон современной демократии», неизбежность которого рассматривается чуть ли не наряду с объективными законами физики.

Однако говорить об онтологическом наполнении данной «заповеди» не представляется возможным: конвенция не отражает реальных мотивов, хотя и строится на основании реальных отноше-

ний. Такие отношения, принципиально дистанцируясь от целеполагания, привязаны к сиюминутным целям. Право автоматически переходит из категории абсолютной в категорию относительную. Как минимум, это ставит вопрос о рисках, связанных с правовым нигилизмом. Что значат «правила игры»? Какова прочность инструментальных ценностей? Например, принцип свободы совести, который должен исключить преследование человека из-за его убеждений, если они не угрожают личности или обществу, – это инструментальная ценность, «правила игры», которые не менялись как минимум со времен Великой Французской революции.

Тем не менее, сегодня очевидно существует проблема в установлении достаточно строгой границы в формулировке того, что считается угрозой, а что – нет. Целый ряд субкультур, ещё вчера не обладавших никакой ценностью в глазах общества или прямо осуждавшихся им, сегодня получают полную неприкосновенность. Интересна и инверсия в характере перераспределения ценностных предпочтений в процессе установления новых границ, где исходные основания формальных запретов можно усмотреть в изменениях общественного сознания и нравственных нормативов, оказывающих влияние на право [7, с. 16-18], [14, с. 4-7]

Так, в ряде стран запрещено открыто носить нательный крест, но критика демонстрации символики однополой культуры влечёт за собой строгое наказание. При этом вряд ли можно сводить подобные правовые инверсии к поступательному развитию собственно национальных систем права [5, с. 362-365]: скорее они идут вразрез с ценностными основами этих систем, трансформируя их по новым глобальным моделям, далёким от онтологических оснований социальной солидарности, ориентированных на понятие «справедливости». Ведь последнее как раз в своей новоевропейской интерпретации предполагает (а не исключает) свободу совести.

Приходится признать также, что при существовании неизменного принципа

закона свободы совести существенно изменилась его трактовка, которая сегодня подразумевает включение в правовое поле и таких явлений, которые было невозможно включить ещё несколько десятилетий назад. При этом некоторые проявления традиционной религиозности, которые никогда ранее не рассматривались как угроза личности или обществу, сегодня прямо объявляются таковыми в целом ряде государств. Это может выражаться:

- с одной стороны, во вмешательстве государства во внутреннюю жизнь семьи, если государству кажется, что традиционный для семьи способ воспитания является ущемлением прав ребенка, в запрете на публичную демонстрацию религиозных символов;

- с другой стороны, это может проявляться во введении в правовое поле целого ряда явлений и субкультур, которые ранее либо не обладали в глазах общества никакой ценностью, либо могли рассматриваться как угроза для традиционной нравственности [6, с. 362-365].

В итоге происходит то, что профессор В.Д. Зорькин назвал «ломкой глобальной социальности». Инструментальные ценности права оказались неспособными в долгосрочной перспективе обеспечить устойчивость общества. Они не выдерживают столкновений с обществом, основанном на другом типе социальной интеграции. «Устойчивое» или казавшееся таковым общество оказалось на поверку не таким уж и стабильным, о чём с тревогой говорят критики сложившейся на Западе социальной системы, основанной на инструментализме модерна. Так, английский политолог Джон Грэй в своей книге «Поминки по Просвещению» [8] пишет о крахе концепции отношений человека и государства в той системе, которой была порождена эпоха Просвещения. Согласно изложенной здесь точке зрения, общество модерна, сталкиваясь с обществом, основанным на другом типе социальной интеграции, далеко не всегда из этого столкновения выходит победителем.

Ретроспективный взгляд на историю позволяет нам говорить о суще-

ствовании исторического парадокса философско-культурологической интерпретации права. При столкновении двух культур, как правило, та, которая считает себя более цивилизованной, проигрывает той, которую она считает менее цивилизованной. Нельзя восстановить или увеличить доверие к праву, не пересмотрев основание социальной интеграции и границ трансформации права, имеющих место в современном обществе [12]. Иными словами, кризис права, на мой взгляд, есть часть общего кризиса инструментального принципа социальной интеграции общества модерна. С одной стороны, инструментализм не делает общество более устойчивым, с другой стороны, возврат к старому типу интеграции невозможен.

Выходом из этой ситуации могло бы стать установление некоего минимума содержательных ценностей, которые консенсусно признаются в обществе. Основой такого движения может стать согласие мировых религий по поводу нравственных норм. В контексте поднятой проблемы полезно вспомнить часто цитируемую фразу В.С. Соловьева о том, что «задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он *до времени* не превратился в ад» [15, с. 530]. Роль культуры в целом — попытка удержания общества от распада. Здесь социальные регуляторы тесно связаны не только с общественным бытием, но и с общественным сознанием.

Сегодня мы наблюдаем в ряде государств то, что с позиции традиционных ценностей невозможно назвать ничем другим, кроме как попыткой введения порока в правовое поле. В сознании многих людей укладывается мысль, что простигнутая — это такая же профессия, как врач или учитель, что между семьей и со-

жительством нет разницы. На очереди — легализация гомосексуализма и однополых браков в некоторых деноминациях, позиционирующих себя как ветви единого дерева христианства.

Но ведь с точки зрения мировых религий порок не становится более допустимым, если он возведён в правовые рамки. Реальность в этом случае превращается в постоянный поиск индивидом наиболее короткого пути к удовлетворению эгоистических потребностей без оглядки на моральные ограничения. Но ведь именно с установления границ начинается культура. В погоне за отражением стремительно меняющейся реальности право рискует вырождаться в «пустой» пакет манипулятивных технологий, легализующих власть «желаний».

Право не может успевать за постоянно меняющейся реальностью. Однако при этом оно обречено на потерю своих ключевых признаков: установки на общезначимость справедливых норм и легитимизирующую силу, основанную на исходном доверии к праву как институту. Даже массовость общественного порока и всеобщее с ним согласие не может превращать его в норму. Описан случай в Германии, когда один человек съел другого по согласию. Хотя с формальной точки зрения этот случай является свидетельством свободы договора, очевидно, что данный прецедент — не повод для легализации каннибализма.

Изучение теоретических основ исторического парадокса философско-культурологической интерпретации права приводит к мысли, что задача поддержания доверия к праву исключает его догматизацию на секуляристской основе, предполагающей превращение права в нравственно неопределённый, но требующий около религиозного поклонения институт.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Религия и культура. Tenaflly, NJ, Эрмитаж. 144 с.
2. Барт Р. Мифологии / Пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академический проект, 2010. 352 с.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж: YMCA-Press, 1990. 596 с.
4. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью (Проблема и механизмы интеграции в современном обществе) // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 61-74.
5. Глаголев В.С. Правовая культура в системе национальных ценностей // Право и управление. XXI век. 2015. № 4. С. 33-38.
6. Глаголев В.С. Религиозно-этническое наполнение образов «свой» и «чужой» в динамике политической конъюнктуры / Диалог культур и пространство цивилизаций. Международные Лихачевские научные чтения. Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. 2014. С. 362-365.
7. Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 16–26.
8. Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003. 368 с.
9. Дусон К.Г. Религия и культура. СПб.: Алетейя, 2000. 281 с.
10. Зорькин В.Д. Доверие к праву – путь разрешения глобальных кризисов: Лекция для участников Международного юридического форума. Санкт-Петербург. 19 мая 2016. [Электронный ресурс] // Российская газета. 2016. 19 мая. URL: <https://rg.ru/2016/05/19/valerij-zorkin-zapadnye-elity-na-viazyvaiut-miru-chuzhdye-narodu-cennosti.html> (дата обращения: 21.09.2017).
11. Рекош К.Х. Влияние толкования на правовой дискурс // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 209-216.
12. Сардарян Г.Т. О политической этике и мировом демократическом развитии // Политика и общество. 2014. № 10. С. 1212-1218.
13. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс / Моск. Обществ. Науч. Фонд. М. : ООО «Издат. центр науч. и учеб. программ», 1999. 147 с.
14. Силантьева М.В. Философия права в глобализирующемся мире: образовательный проект и общественный заказ // Право и управление. XXI век. 2011. № 3. С. 3-12.
15. Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 2012. 656 с.
16. Тульпе И.А. Мифология. Искусство. Религия.- СПб.: Наука, 2012. 380 с.
17. Harrison J.E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge, 1903. 720 p.

Об авторе:

Легойда Владимир Романович – к.полит.н., профессор кафедры мировой литературы и культуры МГИМО, председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского патриархата. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ», 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

«TRUST TO THE RIGHT» AS A CULTURFILOSOPHICAL PROBLEM: TO THE QUESTION OF SOURCES AND BASES OF FORMAL SOCIAL REGULATORS

V.R. Legoyda

Abstracts. Nowadays the problem of strengthening the effectiveness of law as a mechanism of social regulation increasingly calls for a comprehensive evaluation of the conditions which provide trust in law as a social institution. And this, in turn, makes it necessary to turn to the analysis of its sources, which means to do the work that brought to being the idea of autonomy of morals in the new European context. Is it really possible to deprive the law of initial "moral basis", and the latter, in turn, fully deprive of religious foundation? Moreover, the initial syncretism is increasingly accentuated in modern social and humanitarian knowledge. The disintegration of syncretism marked the era of the birth of the Logos, and its restoration in the epoch of the myth's revival seems quite predictable.

From the standpoint of traditional values what we witness today in a number of states can be called nothing but an attempt to introduce vice into the legal field. Many people are brainwashed to believe that professions of prostitute and doctor or teacher are equal, that there is no difference between family and cohabitation. Next in line is the legalization of same-sex marriages in some denominations that position themselves as branches of a single tree of Christianity. But world religions would not consider the vice more permissible, if it were introduced in the legal framework. Real life in that case turns into a permanent search for the shortest way to satisfy person's selfish needs beyond morals restrictions. And how can it be harmonized with the postulate that setting up of the lines is a point the culture starts from?

Trying to adapt to the rapidly changing real life, the law is in danger of being reduced to an "empty" package of manipulative technologies, justifying the dominance of "desires." In that case, it is doomed to the extinction of its key features: the focus on common justice and legitimizing force based on the initial trust in law as an institution. The attempt to turn the law into a self-sufficient "ideal reality", disassociated from religious and philosophical concepts about the worthy and unworthy in human behavior, deprives it of its effectiveness, devaluing its consolidating role in society; and also anticipates repressions against the people who perceive a moral norm in a dissenting way.

Key words. law, religion, culture, sources of law, morality, legal order, Divine law, justice, social regulators.

References:

1. Averintsev S.S. *Religiia i kul'tura* [Religion and culture]. Tenafly, NJ: Ermitazh, 144 p. (In Russian).
2. Bart R. *Mifologii* [Mythology] / per., vstup. st. i komment. S.N. Zenkina. Moscow: Akademicheskii proekt, 2010. 352 p. (In Russian).
3. Berdiaev N.A. *Filosofiia neravenstva. Pis'ma k nedrugam po sotsial'noi filosofii* [Philosophy of inequality. Letters to Foes on Social Philosophy]. Paris: YMCA-Press, 1990. 596 p. (In Russian).
4. Biriukov N.I., Sergeev V.M. Mezhd dualizmom i sobornost'iu (Problema i mekhanizmy integratsii v sovremennom obshchestve) [Between Dualism and Sobornost (Problem and Mechanisms of Integration in Modern Society)] *Obshchestvennye nauki i sovremennost' - Social Sciences and Modernity*, 1998, no.4, pp. 61-74 (In Russian).
5. Glagolev V.S. Pravovaia kul'tura v sisteme natsional'nykh tsennostei [Legal culture in the system of national values]. *Pravo i upravlenie. XXI vek - Law and government. XXI Century*, 2015, no.4, pp. 33-38. (In Russian).
6. Glagolev V.S. Religiozno-etnicheskoe napolnenie obrazov «svoi» i «chuzhoi» v dinamike politicheskoi kon'iunkturnosti [Religious-ethnic filling of images of «one's own» and «another's» in the dynamics

- of political conjuncture]. *Dialog kul'tur i prostranstvo tsivilizatsii. Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniia. Rossiiskaia akademiia nauk, Rossiiskaia akademiia obrazovaniia, Kongress peterburgskoi intelligentsii, Sankt-Peterburgskii Gumanitarnyi universitet profsoiuzov* [Dialogue of cultures and the space of civilizations. International Likhachev Scientific Readings. Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Education, Congress of St. Petersburg Intellectuals, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions]. 2014. pp. 362-365 (In Russian).
7. Guseinov A.A. *Filosofiiia kak eticheskii proekt* [Philosophy as an ethical project]. *Voprosy filosofii - Issues of Philosophy*, 2014, no.5, pp. 16–26 (In Russian).
 8. Grei D. *Pominki po Prosveshcheniiu: Politika i kul'tura na zakate sovremennosti* [Wake of Enlightenment: Politics and Culture at the Decline of Modernity]. Moscow: Praksis, 2003. 368 p. (In Russian).
 9. Douson K.G. *Religiia i kul'tura* [Religion and culture]. Saint-Petersburg: Aleteiia, 2000. 281 p. (In Russian).
 10. Zor'kin V.D. *Doverie k pravu - put' razresheniia global'nykh krizisov: Lektsiia dlia uchastnikov Mezhdunarodnogo iuridicheskogo foruma. Sankt-Peterburg. 19 maia 2016* [Trust in law is the way to solve global crises: Lecture for participants of the International Legal Forum. St. Petersburg. May 19, 2016]. *Rossiiskaia gazeta – The Russian Newspaper*, 2016. 19 maia. Available at: <https://rg.ru/2016/05/19/valerij-zorkin-zapadnye-elity-naviazvaiut-miru-chuzhdye-narodu-cennosti.html> (Accessed 21 September 2017) (In Russian).
 11. Rekosh K.Kh. *Vliianie tolkovaniia na pravovoi diskurs* [Influence of interpretation on legal discourse]. *Vestnik MGIMO Universiteta - Bulletin of MGIMO University*, 2011, no.6, pp. 209-216 (In Russian).
 12. Sardarian G.T. *O politicheskoi etike i mirovom demokraticheskom razvitii* [On political ethics and world democratic development]. *Politika i obshchestvo - Politics and Society*, 2014, no.10, pp. 1212-1218 (In Russian).
 13. Sergeev V.M. *Demokratiia kak peregovornyi protsess* [Democracy as a negotiation process]. Mosk. Obshchestv. Nauch. Fond [Moscow. Societies. Scientific. Fund]. Moscow: OOO «Izdat. tsentr nauch. i ucheb. programm», 1999. 147 p. (In Russian).
 14. Silant'eva M.V. *Filosofiiia prava v globaliziruiushchemsya mire: obrazovatel'nyi proekt i obshchestvennyi zakaz* [Philosophy of Law in a Globalizing World: an Educational Project and a Public Order]. *Pravo i upravlenie. XXI vek - Law and Governance. XXI Century*, 2011, no.3, pp. 3-12 (In Russian).
 15. Solov'ev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the good]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii, Algoritm, 2012. 656 p. (In Russian).
 16. Tul'pe I.A. *Mifologiiia. Iskusstvo. Religiia* [Mythology. Art. Religion]. Saint-Petersburg: Nauka, 2012. 380 p. (In Russian).
 17. Harrison J.E. *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. Cambridge: The University press, 1903. 720 p.

About the Author:

Vladimir R. Legoyda – PhD (Political Science), Professor of the Department of World Literature and Culture of the Moscow State Institute of International Relations, Chairman of the Synodal Department for the Relations of the Church with the Society and Media of the Moscow Patriarchate. FGAOU VO «Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», 119454, Moscow, Vernadsky avenue, 76.